

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. Астафьева
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет
Кафедра современного русского языка и методики

Шахура Кристина Николаевна
ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Тема: Авторское начало в научно-популярных текстах о русском языке и речи
(на материале книг В.А. Плунгяна «Почему языки такие разные»
и Ю.Л. Воротникова «Слова и время»)

Направление подготовки: 44.03.01 Педагогическое образование
Направленность (профиль) образовательной программы
Русский язык

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой

канд. филол. наук, доцент Бебриш Н.Н.

24 мая 2022 г. _____

Руководитель

проф., докт. филол. наук, доц. Осетрова Е. В.

24 мая 2022 г. _____

Дата защиты: « 6 » июля 2022 г.

Обучающийся: Шахура К.Н.

Шахура

Оценка _____

Красноярск

2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Научно-популярные тексты современных российских лингвистов	7
1.1. Специфика научно-популярного текста.....	7
1.2. Языковая и речевая проблематика.....	8
1.3. Объекты филологического внимания.....	13
Глава II. Модус научно-популярных текстов о русском языке	17
2.1. Автор и элементы его экспликации в книге В.А. Плуменя «Почему языки такие разные».....	19
2.1.1. Автор и его самоидентификация.....	19
2.1.2. Адресат и его характеристика.....	21
2.1.3. Метатекстовый компонент.....	24
2.1.4. Экспрессивно-оценочный план.....	27
2.1.5. Персуазивность.....	29
2.2. Автор и элементы его экспликации в книге Ю.Л. Воротникова «Слова и время».....	31
2.2.1. Автор и его самоидентификация.....	31
2.2.2. Адресат и его характеристика.....	33
2.2.3. Метатекстовый компонент.....	35
2.2.4. Экспрессивно-оценочный план.....	37
2.2.5. Категория эвиденциальности.....	39
2.2.6. Модус воспоминания.....	41
Глава III. Дидактические материалы «Образ автора в научно-популярных текстах о русском языке»	44
3.1. Пояснения к упражнениям.....	44
3.2. Упражнения.....	46
Заключение	53
Список использованных источников	56
Приложение А. Образцы элементов авторского начала в научно-популярных текстах о языке	61

ВВЕДЕНИЕ

Автора читатель находит (воспринимает, понимает, ощущает, чувствует) во всяком тексте. Именно авторское начало – набор всех скрытых и явных проявлений творческой личности в тексте, активизирует общение автора с читателем, с массовой аудиторией.

Авторская составляющая в том числе является важнейшим структуроорганизующим центром научно-популярного текста. Основная задача здесь заключается в том, чтобы передать более или менее сложные идеи так, чтобы они стали понятны и доступны аудитории.

Предметом исследования является категория авторства, а **объектом** – авторское начало [Шмелева 1998] в научно-популярных текстах о русском языке.

Целью данной выпускной квалификационной работы определена экспликация (выявление) языковых элементов авторского начала в научно-популярных текстах. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- рассмотреть языковые и речевые проблемы, которые формируют поле научной популяризации на современном этапе;
- выявить в этой связи ключевые объекты филологического внимания;
- определить элементы и зоны, проявляющие автора, в научно-популярных текстах о русском языке;
- разработать дидактические материалы «Образ автора в научно-популярных текстах о русском языке».

Текстом, который стал **базой** анализа и одновременно его **материалом**, стала научно-популярная книга Владимира Александровича Плунгяна «Почему языки

такие разные», удостоенная премии «Просветитель» в номинации «Гуманитарные науки» в 2011 г. Известный лингвист, член-корреспондент РАН, автор сотен работ по теоретической лингвистике, морфологии языков мира, поэтике, истории языкознания – обсуждает темы: сколько языков на земле, как они устроены; как и по каким законам изменяются; почему одни из них – родственные, а другие нет; чем именно отличается русский язык от английского, а китайский от японского; зачем глаголу наклонение и вид, а существительному падежи; и мн. др.

Еще одним текстом, ставшим **базой** и одновременно его **материалом**, стала научно-популярная книга Юрия Леонидовича Воротникова «Слова и время», известного советского и российского лингвиста, члена-корреспондента РАН, специалиста в различных областях языкознания. В своем издании он выносит на обсуждение вопросы о сущности языка, синхронии и диахронии, пользе словарей русского языка, крылатых словах, ключевых словах, диминутивах, словах-паразитах и др.

Поскольку категория авторства является одним из устойчивых объектов интереса современной лингвистики, а авторское присутствие в научно-популярном тексте – одним из показательных его проявлений, **актуальность** предпринятого исследования представляется очевидной.

Новизна исследования определена тем, что проблема «образа автора», основанная на методологии семантического анализа, насколько показал библиографический поиск, ранее не рассматривалась на материале научно-популярного текста. Проведенное исследование выявляет модусные категории, благодаря которым в его границах формируется авторское начало, а кроме того, демонстрирует новые аспекты реконструкции языковой картины мира – с учетом языковой оценки, субъективных, личностных смыслов текста.

Методологическая основа исследования включает универсальные способы научной работы: анализ и синтез научной литературы, обобщение полученной информации, – а также контекстуальный анализ с элементами семантического анализа.

Научным контекстом выпускной квалификационной работы стали современные лингвистические работы, посвященные проблемам стилистики, а также категории авторства и ее элементов и субъективных языковых смыслов, в частности: книги А. Вежбицкой «Метатекст в тексте» [Вежбицка 1978] и А.В. Вороновой «Научно-популярные тексты как объект функционально-стилистического анализа» [Воронова 2016], сборники статей и материалов под авторством Т.В. Шмелевой [Шмелева 1998; 2012], учебное издание М.Н. Кожиной «Стилистика русского языка» [Кожина 1993], статья О.А. Кобриной «Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию» [Кобрина 2006], диссертация Н.П. Перфильевой «Метатекст: текстоцентрический и лексикографический аспекты» [Перфильева 2006] и ряд др.

Практическая значимость выпускной квалификационной работы заключается в том, что на основе анализа модусных категорий, отражающих субъективное отношение автора к предмету речи, разработана серия упражнений, которые можно использовать в процессе обучения русскому языку в школе в 5–8 классах. Упражнения позволяют развить стилистические навыки обучающихся, развить их языковую рефлекссию в отношении авторского начала в тексте.

Структура работы включает в себя введение, три главы, заключение, список использованных источников и приложение. Особо обратим внимание на то, что во втором разделе, представляющем исследовательскую часть выпускной

квалификационной работы, проанализированы следующие характеристики авторского начала в научно-популярных текстах современных российских лингвистов: автор и его самоидентификация, адресат и его характеристика, метатекстовый компонент, экспрессивно-оценочный план, бинарная категория уверенности / неуверенности автора в достоверности излагаемой информации (персуазивность), эвиденциальность и модус воспоминания.

Результаты исследования апробированы на XI научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности – в рамках форума XXIII Международного научно-практического форума студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XXI века», Красноярск, КГПУ им. В.П. Астафьева, 25 мая 2022 г. (доклад «Авторское начало и его экспликация в книге В.А. Плунгяна “Почему языки такие разные”»).

Глава I

Научно-популярные тексты современных российских лингвистов

1.1. Специфика научно-популярного текста

Текст представляет собой сложное и многомерное явление, и, как всякое сложное явление, понимается неоднозначно. По этой причине в лингвистической литературе имеется множество различных определений самого понятия «текст», разнообразных подходов к трактовке этого термина [Гришечкина 2010].

Любой текст имеет определенный стиль: научный, официально-деловой, публицистический, художественный. Возможен и так называемый подстиль – некоторая разновидность стиля, – например, научно-популярный.

Для научно-популярного текста характерно многообразие выразительных средств языка с целью привлечения внимания к проблеме, выражение собственного мнения автора. В таких текстах проявляется индивидуальный авторский стиль, возникает стремление воздействовать на позицию, мнение читателя. Научно-популярный текст не только адаптирует содержание научной речи, но и делает его понятным и интересным читателю [Воронова 2016].

Как подстилевая разновидность научного стиля, научно-популярная литература «сохраняет основные специфические особенности, характерные для научного стиля: в научно-популярной литературе излагаются знания, добытые в сфере научной деятельности; содержание научно-популярной литературы в основном то же, что и в собственно научной литературе», – отмечает М.Н. Кожина [Кожина 1993: 9].

Отличаются же научно-популярные тексты от научных «меньшей степенью абстрактности изложения и наличием эмоционально-экспрессивных средств;

сближаясь с газетно-публицистическими стилями речи своей понятностью, доступностью, наличием экспрессии, они в то же время и отличаются от них научной тематикой и коммуникативно-прагматическими целями» [Крылова 2006: 8].

Специфика научно-популярного текста обусловлена, прежде всего, тем, что основными целями научно-популярных изданий является адресованность к широкой аудитории и популяризация научных знаний в обществе. Особенностью такого рода текстов становится, кроме того, ознакомление читателя-неспециалиста с научными данными посредством использования определенных приемов популярной обработки знаний. Автор использует эти приемы для того, чтобы достижения передовой науки пропагандировались в той форме, которая наиболее доступна читателям, и соответствовали бы уровню знаний и понимания тех, кому она предназначена.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что научно-популярный текст – это текст, который излагает научные сведения для неспециалиста в данной области знания, реализуя коммуникативную установку на удовлетворение познавательного интереса адресата.

Выявление специфики научно-популярного текста подводит к необходимости на примере нескольких изданий рассмотреть языковые и речевые проблемы, на которые обращают внимание современные российские лингвисты, а также центральные объекты их филологического внимания.

1.2. Языковая и речевая проблематика

С начала XXI века в России наблюдается значительный рост числа публикаций о русском языке в научно-популярном жанре. Это, привлекает большое количество

заинтересованных, поскольку касается актуальных для всех языковых проблем и одновременно обеспечивает доступность изложения и легкость чтения.

Далее проведен содержательный анализ нескольких таких публикаций, входящих в ряд новейшей популярной литературы о современном русском языке и речи.

О процессах изменения, происходящих с русским языком в XXI веке, рассказывает известный лингвист, профессор, доктор филологических наук Максим Кронгауз в научно-популярной книге **«Русский язык на грани нервного срыва»** [Кронгауз 2008]. С первого своего издания, в том числе благодаря парадоксальному названию, она стала бестселлером, автор которого затрагивает большое количество современных проблем.

Язык меняется стремительно. К сожалению, он оскудевает и обрастает новыми крайне неприятными, особенно для образованного человека, бранными словами, жаргонизмами. Заимствования «заполняют» пространство русского языка и невольно приходит мысль о «гибели национального языка». Говорится и об употреблении слов не по значению, например, *мои друзья знают, что иногда я употребляю слово кукумбер в значении – дурачок или сказочный дол.*

За «Русским языком на грани нервного срыва» последовали другие научно-популярные книги М. Кронгауза: **«Самоучитель олбанского»** [Кронгауз 2013] – о специфическом языке «падонков», который к настоящему времени почти никто не помнит и не употребляет, а также сборник **«Слово за слово. О языке и не только»** [Кронгауз 2016]. В последнем случае мы наблюдаем, по сути, стилистический эксперимент автора, объединившего в одном издании научно-популярные статьи с рецензиями на книги (то есть научно-популярный и собственно научный стили).

Другим не менее известным популяризатором лингвистики является ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Ирина Левонтина – автор книги **«Русский со словарем»** [Левонтина 2010], в 2011 г., – ставшая финалистом премии «Просветитель».

Издание представляет собой десятки заметок лингвиста, написанных в разное время и собранных в тематические разделы. Книга посвящена новым явлениям в русском языке и речи представителей разных поколений и социальных слоев, прецедентным текстам политиков, «перлам» языка рекламы, – живой жизни современного русского языка.

Особое внимание автор уделяет ситуации иностранной экспансии, с которой связано, в частности, падение письменной грамотности и нивелирование ее ценности: «Встречается такой тип молодых людей, которые владеют устной речью, имеют богатый словарный запас, широкий кругозор, но безграмотно пишут, позволяя себе «невозможные» ошибки» [Левонтина 2010].

В продолжение темы в 2015 г. И. Левонтина публикует новую книгу – **«О чем речь»** [Левонтина 2015] – занимательные, актуальные, часто неожиданные и провокативные рассуждения о языке, его текущем состоянии, метаморфозах и связи с действительностью. В целом эти рассуждения о том, «что язык неотделим от жизни. Настолько, что иной раз о нем и поговорить почти невозможно: пишешь про слова, а читатели яростно возражают про жизнь. Наша жизнь пропитана языком – и сама в нем растворена» [Левонтина 2015].

Авторы небольшого по объему, но содержательного издания **«Русский без нагрузки»** Ю. Андреева и К. Туркова [Андреева, Туркова 2017], концентрируют свое внимание на нормативном аспекте языка. Их усилия направлены на то, чтобы объяснить типичные ошибки в речи, письменные и устные, которые для удобства

читателя распределены по четырем разделам: «Орфография», «Пунктуация», «Орфоэпия», «Стилистика».

Отличительной особенностью книги является то, что разъяснения, написанные простым языком, представлены в форме мнемонических стихотворений и почти 120 запоминающихся юмористических иллюстраций.

Орфографические ошибки рассматриваются, как правило, на материале неправильного написания распространенных слов: *В Масленице, если честно, двум буквам Н обычно тесно; Вторую Л из слова Галерея мой шеф вычеркивал, ругаясь и зверя и др.*

Пунктуационные проблемы авторы определяют как ошибочную постановку знаков препинания: *Есть очень хороший девиз: не путать тире и дефис!; Двоеточие и точку, запятую и тире ставьте ПОСЛЕ скобок точно, словно елку в декабре.*

Стилистические ошибки, в основном, связаны с неправильным употреблением слова: *Если честно, форма «ляжь» – стилистическая блажь. Принимайте натоцак форму «лягте» с формой «ляг»; Обещаю к весне похудеть и не путать одеть и надеть!* и др.

Из орфоэпических ошибок особое внимание отводится правильной постановке ударения: *В стЕнах замурован клад, а в стенАх – покой и лад; Играя на арфе, спою вам о шарфе!; В кофейне торты, а в море порты* и др.

Владимир Плунгян – профессор МГУ, сотрудник института русского языка РАН, доктор филологических наук и автор десятков работ по теоретической лингвистике, морфологии языков мира – автор научно-популярной книги **«Почему языки такие разные?»**, выдержавшей не одно издание и в очередной раз вышедшей в том же 2017 г. [Плунгян 2017].

В. Плуноян восхищается человеческим языком, его функциональностью и значимостью для всего человечества, считая его даром природы. Лингвист рассказывает о том, какие существуют языки, как они устроены, как изменяются и развиваются, рассуждает о родственных языках и их диалектах, о том, чем на самом деле русский язык отличается от китайского и о многом другом. Одним из центральных содержательных фрагментов книги является следующая идея: «Языки отличаются друг от друга не тем, что на одном языке о чем-то можно говорить, а на другом нельзя: давно известно, что на любом языке в принципе можно выразить любую мысль. Дело обстоит иначе: языки отличаются друг от друга теми сведениями, которые, говоря на каждом из них, нельзя не сообщать – то есть, иными словами, тем, о чем на этих языках сообщать обязательно» [Плуноян 2017].

О современном русском языке, о воздействии на него интернета, массмедиа, рекламы и других факторов, определяющих то, как мы общаемся друг с другом, повествует российский лингвист Ю. Воротников в научно-популярной книге 2019 г. «Слова и время» [Воротников 2019], предназначенной всем тем, кого волнует современное состояние русского языка. Название издания определяет ее ключевую проблематику – речь идет об изменчивости языка относительно стремительно меняющегося времени. Вместе с отжившими понятиями уходят одни слова, зато появляются другие, означающие новые реалии. Скрытый и явный пафос автора книги, связанный с важностью вопроса о том, как мы говорим, «какой мы строим дом для нашего с вами бытия», пронизывает весь текст.

Две последние книги из ряда вышеназванных являются материалом лингвистического анализа во второй исследовательской главе выпускной квалификационной работы.

1.3. Объекты филологического внимания

Очень часто объектами филологического внимания в современных научно-популярных текстах лингвистов становится лексика – непосредственно **слова**.

Ключевое внимание отводится им, например, в книге М. Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва», где рассматриваются неологизмы последних десятилетий и их связь с изменениями в обществе: *компьютер, монитор, принтер, процессор, сайт, блог* и др. В связи с большим количеством нововведений в языке автор отмечает появление литературного жанра «псевдословаря»: в таких книгах авторы стилизуют свои рассуждения о жизни, литературе, языке и политике под словарные статьи, располагая их в алфавитном порядке; см., например, «Словарь модных слов» В. Новикова. Особое внимание Кронгауз уделяет процессу «отмирания» слов, когда те или иные слова перестают быть общеупотребительными: *получка, посиделки, междусобойчик, чаёвничать, задрипанный, земляк* и др.

Ещё одна тема, которой касается автор, – слова из «группы риска», употребление которых может вызвать резкое неприятие у тех или иных социальных групп. Это, прежде всего, различные жаргонизмы (*косарь, тачка, домашка, туса, базар*), криминальное аргю (*наезд, беспредел, отморозок, крыша, стрелка, кинуть*), молодёжный сленг (*отстой, кул, прикольно, супер, классно, атомно*), язык гламурных изданий (*культовый, кастинг, эксклюзивный, стильный, элитный*), интернет-сленг (*аффттар жжот, зачот, убей сибя апстену, ржунимагу, многа букв неасилил*) и т.д.

Большая часть разделов в книгах И. Левонтиной посвящена также лексическому уровню языка. Автор касается лингвоспецифичных слов, например, *душа, тоска, надрыв, поперек, добираться* и т.д., в которых содержатся

«концептуальные конфигурации, отсутствующие в готовом виде в других языках» [Bookmix: клуб любителей книг: [сайт]. URL: <https://bookmix.ru/book.phtml?id=2369996>].

Автор рассуждает о том, почему появляются штампы (*социальный лифт, вертикальная мобильность, самоотверженный труд, обстоятельства неопределимой силы* и др.) и в чём принципиальные различия синонимичных, на первый взгляд, слов: *прагматичный и практичный, фирменный и брендовый, пафосный и патетический* и др.

И в книге Ю. Воротникова «Слова и время» центральным объектом филологического внимания становятся определенные лексемы. Автор рассматривает сущность крылатых слов, их появление в языке, состав и особенности; задумывается над ролью диминутивов (слов с уменьшительными суффиксами) в речи; пытается дать определение «ключевым словам», выяснить их языковедческий, социологический или культурологический статус.

Ещё один раздел автор посвящает словам-паразитам. Особое внимание уделяется языковым конструкциям *как бы* – в понимании известных лингвистов, писателей, В.И. Ленина – и *на самом деле* в аспекте ее частеречной характеристики, значения и использования в речи.

Регулярно объектами филологического внимания в современных научно-популярных текстах становятся **морфемы**: филологи говорят об их правильном написании с учетом современных норм русского языка: имеются в виду приставки (*пре-, при-*); корни в составе сложного слова (*аква-, медиа-, промо-*); окончания производных предлогов (*в отличие, вследствие, в течение*) и др.

В публикации Ю. Андреевой и К. Турковой «Русский без нагрузки» целый раздел посвящен **орфографии**, правилам написания слов с непроизносимой

согласной в корне слова; слитному и раздельному написанию производных предлогов; правописанию приставок *пре-* и *при-*, частиц *не-* и *ни-* и др.

Наконец, современные лингвисты с научно-популярных позиций регулярно рассуждают не о том или ином частном явлении и даже не об уровне языка, а о **языке в целом**, его особенностях, развитии, изменениях. Например, в книге «Слова и время», упомянутой выше, авторская текстовая составляющая которая рассмотрена в следующей главе, Ю. Воротников задумывается о сущности языка, анализирует синхронический и диахронический подходы к его изучению, высказывает собственное отношение к проблеме отражения времени в высказывании и тексте.

Именно такой целостный подход оказывается ведущим и в книге В. Плуменя «Почему языки такие разные», авторское начало которой также проанализировано далее.

Формулируя выводы, отметим следующее.

Научно-популярный текст – это текст, который излагает научные сведения для неспециалиста в данной области знания, реализуя коммуникативную установку на удовлетворение познавательного интереса адресата.

В научно-популярном тексте о языке проблематика в основном формируется рассуждениями о языковой системе – современной и в сопоставлении с историческими фактами, а также в контексте языковых сопоставлений.

Что касается объектов научно-популярного «рассказа», то лингвисты традиционно сосредоточены в основном на лексическом уровне, имея в фокусе своего внимания прежде всего слова и устойчивые выражения.

Существенная часть анализа посвящена, кроме того, проблемам языковой нормы и профессиональной рефлексии, порожденной наблюдениями лингвистов-

популяризаторов над общими языковыми процессами и явлениями, имеющими место в актуальный период времени.

Глава II

Модус научно-популярных текстов о русском языке

Текст порождается одной языковой личностью и адресуется другой языковой личности. В нем реализуется парадокс системности / индивидуальности. Системность есть результат давления системы, жанра текста, литературного направления, всего историко-культурного контекста, на которые автор реагирует с учетом того спектра возможностей, характерных для определенной эпохи. Одновременно в стиле автора проявляется индивидуальность и уникальность.

В научно-популярных текстах содержание передается альтернативными способами, в авторской трактовке. Отправитель речи, то есть адресант, излагает объективную истину в собственном варианте языкового выражения, по-своему оформляет ее словесно, по-своему «оранжирует» языковой материал. Таким образом, в любом высказывании представляется возможным анализировать две его составляющие: основное содержание (диктум) и его модальную часть (модус), последняя из которых обнаруживает эмоциональное и волевое суждение говорящего в отношении диктума [Гурин 2011]. Модус изучен в меньшей степени: во-первых, это связано с тем, что он склонен проявляться имплицитно, а во-вторых, с тем, что он же располагает большим и неоднородным кругом языковых средств (при эксплицитном выражении) [Шмелева 1994].

Автор создает в границах текста нечто свое, оригинальное, индивидуальное, возможно, отступая при этом от определенных строгих канонов употребления языковых средств в научном стиле либо используя их нестандартно, творчески, тем самым проявляя свое авторское начало, синонимичное с образом автора, который, по мнению И.И. Ковтуновой, присутствует во всех видах текстов [Ковтунова 1982: 5].

Т.В. Шмелёва приводит следующее определение авторского начала: «Авторское начало – это смысловая часть текста, в которой проявляется речевое поведение автора и его рефлексия по поводу своего текста» [Шмелева 1998: 14]. В более поздней работе она же детализирует значение данного понятия: «С позиций читателя важно уметь его видеть, – точнее вычитывать из текста; с позиций автора – адекватно оформить. Оно получает выражение в тексте при помощи целого спектра средств – от имплицитных модусных показателей до самостоятельных метавысказываний... Модусы как принадлежность отдельных высказываний и показатели метатекста как особые текстовые «нити» сплетаются в авторский узор, оказываясь тем «грунтом», на который накладывается выбор лексики, грамматических средств и композиционного строения текста» [Шмелева 2012: 13]. Именно Т.В. Шмелёвой осуществлен «наиболее детальный, обобщенный, интегральный подход к изучению всех модусных категорий и смыслов» [Копытов 2012: 126], в числе которых описана и категория авторизации – система языковых смыслов, позволяющих проявляться авторскому началу в каждом конкретном тексте.

Проявления авторского субъективизма «создают личностный план текста, придающий научной информации статус индивидуального, персонифицированного знания» [Котюрова 2008: 90].

В следующих подразделах – с опорой на представление о структуре модуса, в частности, о категории авторизации, рассмотрены важнейшие характеристики авторского начала в научно-популярных книгах на материалах текстов В. Плунгяна «Почему языки такие разные» и Ю. Воротникова «Слова и время».

2.1. Автор и элементы его экспликации в книге В.А. Плунгяна «Почему языки такие разные»

2.1.1. Автор и его самоидентификация

В данном разделе рассматривается то, как В.А. Плунгян к книге «Почему языки такие разные» представляет и характеризует себя, то есть анализируются способы его самоидентификации.

Сущность самого понятия «самоидентификация» заключается в том, что это некий процесс соотнесения «себя с собой», в результате которого происходит формирование представления о себе как о самождественной и уникальной личности. Данным вопросом занимались психологи, социологи и философы, а в последнее время этим активно интересуются филологи и лингвокультурологи. Что мы можем узнать о личности автора? Каковы цели и задачи его творения, истинные намерения, отношения к слову и литературе, насколько эмоционально и оценочно он проявляет себя? Ответы на эти и многие другие вопросы могут выявить элементы самоидентификации пишущего субъекта в тексте.

Искренность автора – одна из характеристик, которые прочитываются в его комментариях. Она проявляется в автокомментариях, в которых описаны «непристойные» для автора ситуации или личностные предпочтения и состояния, носящие характер интимности. В. Плунгян напрямую передает испытанное им чувство унижения (*...как когда-то попался и я сам, пока знакомые белорусы меня не пристыдили*), делится тем, что ему не по вкусу (*Я, например, не люблю, когда ко мне обращаются просто по фамилии: часто ничего хорошего это не сулит*) или открыто признается перед читателем в своем незнании (*Я точно не помню, какие еще они бывают, - можете посмотреть в энциклопедии или в учебнике зоологии*).

Отмеченная искренность имеет еще одну регулярную реализацию – это риторические восклицания – приём передачи и кульминации различных чувств (удивление, восторг, огорчение, радость и т. п.): *Но дорог- то множество! И если в одной из стран язык пошел по одной дороге, то ведь в другой стороне он вполне может пойти по другой дороге!; Ведь они же разные!; ... (при этом – еще далеко не во всяком двуязычном государстве!); Ведь в каждом новом языке может обнаружиться что-то такое, чего не было ни в одном из известных раньше!; Вот такие согласные можно и петь!; ... (да и это далеко не все!); Да и ведь и неодушевленные предметы оказывались похожи на людей!!* и др.

Заметное удивление как регулярное состояние, испытываемое автором в процессе раздумий над феноменом языка, – позволяет судить о нем как о субъекте эмоциональном и равнодушном к своему профессиональному объекту.

Об окружении автора, его знакомых, друзьях и контакте с ними становится известно из следующих цитат: *А один мой знакомый африканец жаловался мне, что никак не может понять, почему в начале совершенно одинаковых русских слов тесный и честный пишутся разные буквы; И в лучшем случае будут смеяться – как, например, в такой истории, которую я слышал от своих друзей-лингвистов; Но у меня был один знакомый, который неизменно снимал трубку со словами «Крылов у аппарата».* Автор, как видно, использует при их обозначении категорию неопределенности, обозначая только общую характеристику по расовой принадлежности (*африканец*) или социальный статус (*друзья-лингвисты, знакомый*). Но и в таком случае понятно, что окружение автора выполняет роль «профессионального стимула», заставляющего его обращать внимание на то или иное явление языка и речи.

В отличие от подобных внутритекстовых комментариев, конкретность возобладает в «этикетной части» книги, где автор выражает благодарность совершенно конкретным людям, которые оказали ему содействие в его нелегком труде. Признательность он выражает своему первому читателю И. С. Красильщику, благодаря которому было устранено много неточностей и невнятных; упоминает и Е. В. Рахилину, фактически ставшую соавтором его книги, предложившую массу интересных примеров; своих друзей и коллег – значимые фигуры в современной филологии.

Главной задачей автора, как он признался в Послесловии, было заинтересовать читателя лингвистикой, постараться сказать о сложных вещах доступно и «учесть живой интерес самых широких кругов читателей к проблемам языка».

В результате в тексте выявляются следующие содержательные элементы самоидентификации лингвиста-популяризатора: искренность, корректность и в то же время открытость. Иными словами, данный автор:

- 1) искренен – старается быть честным и открытым со своими читателями,
- 2) эмоционален и экспрессивен – с доминированием эмоции удивления в отношении к языковому объекту,
- 3) коммуникативно и социально открыт – благодарен и признателен за помощь друзьям и коллегам-лингвистам. Языковыми формами, передающими эти характеристики, становятся глагольные группы с семантикой состояния и действия, а также риторические конструкции.

2.1.2. Адресат и его характеристика

Процесс формирования образа автора и раскрытие его идентичности отражают также характер и способы общения автора с читателем на протяжении всего текста.

Читатель заявляет о себе не только тогда, когда произведение завершено и предложено ему. Он присутствует в сознании (или подсознании) писателя в процессе самого творчества, влияя на результат. Для обозначения роли читателя в процессах творчества и восприятия используют различные термины: в первом случае – адресат (воображаемый, имплицитный, внутренний читатель); во втором – реальный читатель (публика, реципиент). В самом тексте эта категория представляется в виде набора предполагаемых характеристик адресата как индивидуальности или целой группы.

Адресат появляется в тексте, когда автор:

- проявляет уважение к своему читателю: *Так как некоторые из уважаемых читателей, может быть, не очень хорошо владеют нидерландским или старофранцузским;*
- заботится о том, чтобы облегчить чтение: *Я на всякий случай поставил ударения, чтобы читать было удобнее;*
- использует метатекстовые отступления, как правило, заключенные в скобках, напоминающие о ранее сказанном, о том, к какой главе нужно вернуться. Он делает это для того, чтобы сделать акцент на той или иной информации и чтобы читатель мог с легкостью восстановить забытое в памяти: *...(еще раз загляните во вторую главу!); ...(если помните, мы немного говорили о нем в первой главе); ...(Не забудьте, что в инкорпорирующих языках морфемы всегда перепутаны!); ...(а если кто-то из наших читателей забыл, в чем разница между аналитическим шведским и инкорпорирующим чукотским, - пусть он заглянет в шестую главу!); ...(об особом эргативном падеже мы говорили в пятой главе, в разделе о падежах, а о том, какие языки называются агглютинативными, сказано в шестой главе книги); и др.*

В большинстве случаев в научно-популярных текстах автор не позиционирует себя отдельно от читателя, он «сливается» с ним, присоединяет его к себе, образуя единое *мы*, которое по аналогии с *мы-врачебным*, *мы-материнским* или *мы-партийным*, можно было бы назвать «*мы-читающих*» – со значением ‘те, кто интересуется, читает и рассуждает’: *Попробуем ответить на такой вопрос; Мы начали со слов человеческий язык; Мы просто умеем их правильно употреблять...; А теперь – поговорим все же о том, что нам известно про разные языки; Мы попробуем выяснить...; Мы просто не поверим; Но мы твердо знаем, что это происходит обязательно; Хорошо ли мы пойдем сказанное...; Итак, мы видим, что...; Но мы помним; А теперь будем разбираться вместе;* и др.

В тех случаях, когда автор текста хочет привлечь особое внимание читателя и погрузить его в глубины раздумий, он использует форму вопроса для общения с адресатом: *Почему же она возникла так поздно?; А если человек может выучить язык «просто так», «сам по себе» - то нужна ли ему наука о языке?; Как это бывает?; А почему слова в языке не живут вечно? Каков «срок жизни» слова? У всех ли слов он одинаков?; ... (или, может быть, иначе?); Действительно, как, например, по-вашему, образовано слово *разбежаться*?; Какая же здесь связь?;* и др. С одной стороны, эти вопросы автор обращает к самому себе – они становятся стимулами для дальнейшего рассуждения. А с другой стороны, они же являются способом проявления неравнодушного отношения к аудитории, акцентирования внимания на новой теме или сюжете.

Для усиления экспрессивности текста – с учетом позиции того же адресата – автор использует риторические вопросы: *Звучит странно?; Хотя это и не обязательно: разве мало мы встречали сестер и братьев совсем разных – и по виду, и по характеру?; Легко, и никаких проблем, правда?;* и др.

Для того чтобы показать ход размышления В. Плуноян вводит вопросно-ответные комплексы, в границах которых задает вопросы и сам же на них отвечает: *Может быть, вы думаете, что это просто фокусник? Нет, по - арабски это слово означает прежде всего «бедняк», (странствующий), нищий; Ну что ж, звуки мы поменяли – теперь слово у нас готово? Не тут-то было: еще надо ударение поставить! Значит, в санскрите много сложных слов? Да, очень много; Куда они делись? Истерлись и отпали;и и др.*

Таким образом, очевидно, что адресат выполняет в тексте роль собеседника автора, который активно вовлекает его в темы рассуждений, при этом проявляя к нему уважение и заботу, часто используя отступления, носящие уточняющий, поясняющий или напоминающий характер.

Особой формой, показывающей отношение автора к читателю, точнее – отношения автора и читателя, оказывается личное местоимение *мы*. Здесь оно преобразуется в «*мы-читающих*», в значении которого автор и его адресат объединяются на основе общего интереса к языку и любознательного отношения к миру.

2.1.3. Метатекстовый компонент

«Авторский узор может составить метатекст – ту часть текста, которая представляет собой его описание и одновременно инструкцию по его пониманию для читателя» [Шмелева 1998]. Если в буквальном смысле понимать термин «метатекст», то можно сказать, что это «текст о тексте», то есть автокомментарий действий, который позволяет ощутить присутствие говорящего в тексте.

Широкое распространение этого понятия в лингвистике получило с появлением в 1978 г. работы А. Вежбицкой под названием «Метатекст в тексте»,

лингвиста-русиста, исследователя лингвистической семантики, прагматики и межъязыковых взаимодействий. В основе ее исследования лежит понимание термина как «двутекста», который в свою очередь состоит из изложения о предмете и изложения о самом высказывании. Известный лингвист считает, что формы «метатекста» – это вводные слова и конструкции, а также обороты с семантическим элементом *говорит*, назначение же метатекста состоит в том, чтобы прояснить «семантический узор» основного текста [Вежбицкая 1978].

Метасредства имеют различный языковой статус – начиная от частиц, и заканчивая самостоятельными высказываниями, занимающими значительную часть пространства текста и требующими отдельного внимания адресата [Якобсон 1975]. Модальные слова и словосочетания типа: *кстати, впрочем, действительно, во-первых, во-вторых* и т.д., по мнению В.В. Виноградова, относятся к конструкциям, которые являются срединным звеном, располагающимся между двумя крайними микро- и макро- полюсами: *Действительно, некоторые лингвисты пытаются это сделать; Во-первых, легко заметить, что...; Во-вторых, некоторых белорусских слов в русском языке вовсе нет...; Впрочем, в этом мы убедились еще раньше, когда сравнивали родственные языки; ...кстати, почти ни одна из них не изучена досконально....*

Что касается метатекста в книге В. Плуногяна, то с помощью него автор проявляет себя и заостряет внимание читателя на некоторых моментах повествования, обозначая тем самым, свое отношение к ним и одновременно актуализируя позицию адресата: *Здесь, как мы уже говорили, языки ведут себя совсем как люди; ...точно так же обстояло дело, если вы помните, в случае русского и белорусского языков; А знаете ли вы, что когда-то были русским языком заимствованы...; Вы знаете, что некоторые люди произносят эти слова одним*

способом, а другие люди – иначе; ...если помните, это были изменения значений и изменения в произношении...; Надо сказать, что даже в нашем теперешнем языке есть одно выражение...; Но мы помним, что эти два языка когда-то были одним языком...

«Прибегая к не совсем естественной для себя номинации, говорящий должен сопроводить ее «пометой чуждости», самая лаконичная из которых – кавычки». [Шмелева 1998: 14]; ср.: А они, тоже как люди, могут быть «родственниками» – и даже образовывать «семьи»; Задача лингвистики – «вытащить» эту грамматику на свет, сделать ее из тайной – явной; Про некоторые слова мы сами еще понимаем, что они «чужие»: они, так сказать, пока живут в языке как гости, полуиностранцы; ...есть довольно много примеров того, как языки «обмениваются» одним и тем же словом поочередно; «Бурные» периоды в истории языка часто совпадают с бурными периодами в истории народа...; ...пишущие как бы «забыли» древнее произношение слов паром и карман.

Деепричастия и деепричастные обороты оказываются одним из средств экспликации речевого компонента. Его грамматическая природа особенно подходит для такой роли: второстепенность, побочность этой полупредикативной конструкции соответствует «сопроводительности» эксплицируемого смысла: ...и он, слушая речь взрослых, обучается своему языку; Говоря на своем языке, мы пользуемся ими свободно, но не можем их сформулировать; Около пятидесяти лет назад американский лингвист Морис Свадеи, опираясь на такие наблюдения своих предшественников, обследовал...; ...написание гласной во многих словах надо просто запоминать или же выбирать нужную гласную, привлекая сложные и не всегда последовательные правила.

Метатекстовая модусная функция деепричастных оборотов – результат взаимодействия трех факторов: а) свойств речевого компонента смысла предложения – имплицитности и его возможности получить вербальное проявление в определенных условиях; б) грамматической природы деепричастия – его побочности и одновременно незамещаемости субъектной позиции; в) лексической семантики глаголов речи, мысли, а также их сочетаемости [Шмелева 2012].

2.1.4. Экспрессивно-оценочный план

Оценочный план высказывания выступает метакоммуникативным проявлением личностной связи с субъектом речи.

По своей сути, оценка – это установление соответствия или несоответствия тех или иных явлений или характеристик предметов потребностям, интересам, целям, шкале ценностей тех или иных людей (социальных групп). То есть, оценка – это выражение отношения к предмету сообщения.

В силу того, что в семантическом отношении категория оценочности сложна и многогранна, говорящий располагает большим выбором оценочных смыслов и способов ее выражения [Шкуропацкая 2014]. Различного рода модально-оценочные слова «создают в предложении потенциальную позицию субъекта оценки, которая может быть по смысловой надобности заполнена соответствующим лексико-грамматическим способом» [Золотова 1982: 6].

Вообще, любая оценка складывается из собственных субъективных представлений автора о том, что «хорошо», а что «плохо».

В. Плуноян в этом отношении не является исключением и регулярно прибегает к оценке, во многих случаях положительной: *Вежливость – это как раз такой замечательный способ общения, где всегда лучше пересолить, чем недосолить.*

Показательно, что объектом лингвистического анализа автор также регулярно делает слова с высокой положительной оценкой: *...одним из слов «офенского языка» было хорошо знакомое теперь многим «клевый», «отличный, замечательный»; ...слова «отличный» или «здоровенный» скорее всего встретятся в речи мужчины, а какое-нибудь «прелестный» или «безумно очаровательный» мы почти наверняка услышим только от женщины.*

«Хорошо – плохо» у В. Плунояна часто профессионализируется, преобразуясь в оценку «правильно – неправильно», поскольку он, как лингвист, исходит из языковой нормы. Часто в тексте выражается относительное оценивание с точки зрения «правильности»: *...иначе получится неправильное произношение или просто совсем другое слово...; ... (я уж не говорю о том, чтобы это была правильная или тем более красивая русская фраза!): Все, что вы сказали, будет правильно.*

Средства авторской «инструментовки» типа – *как говорится, как принято говорить, как говорят* – предназначены для оформления того же оценочного отношения к используемым языковым средствам: *И в старофранцузском, и в староанглийском (точнее, в древнеанглийском, как принято говорить); Образуется единый язык, как часто говорят, наддиалектная форма.*

Иногда автор использует формы «снижения» и «усиления» категоричности оценки, например, с помощью наречия *очень*, обозначающего высокую степень проявления какого-либо признака (качества): *Он был специалистом по русскому языку и знал русский язык очень хорошо; Я думаю, очень легко сказать, в каком случае Надя больше расстроилась; ...ударение играет очень важную роль для*

*правильного произношения слов и восприятия их на слух; Это очень трудная задача.... Употребление с этим наречием частицы *не* смягчает оценку: *Опять-таки лингвисты пока не очень хорошо понимают, почему так происходит.**

Можно сделать вывод о том, что положительная интенсивная авторская оценка (*замечательный; очень*) явно преобладает над отрицательной. При этом она профессионализируется и регулярно переходит в оценку с позиций языковой нормы: «норма – хорошо», «отступление от нормы – проявление проблемы» (*правильно – неправильно*).

2.1.5. Персуазивность

Выражение степени достоверности мысли автора в тексте оформляется с помощью модальных выражений, которые свидетельствуют о том, что говорящий либо уверен, либо не уверен в истинности и точности излагаемой информации. Выражения уверенности / неуверенности оформляются вводными словами и конструкциями, как правило, занимающими в предложении автономную позицию.

Особой позицией, которую занимают вводные конструкции в предложении, является позиция начала предложения, что говорит о стремлении автора сразу проявить свои сомнения или высказать убежденность по поводу сообщаемого. По мнению автора выпускной квалификационной работы, передаваемый ими смысл в такой позиции оказывается выраженным наиболее ярко; ср.: *Конечно, английский язык похож и на своих близких родственников...; Конечно, такие случаи бывают, но их ничтожно мало по сравнению с основной массой изменений; Может быть, одни языки будут меняться чуть медленнее, чем другие; Может быть, вы знаете, что в старых русских книгах...; Наверное, не все.*

В большинстве же выявленных случаев, модальные слова находятся в интерпозиции, что, отметим, обеспечивает им прочную связь с содержанием всего высказывания: *Ответить на него, конечно, непросто; Вот это, может быть, и есть самое удивительное свойство; Но русский и белорусский языки различаются, конечно, далеко не только орфографией; Заподозрить здесь ловушку крайне сложно – скорее всего, вы в нее попадетесь; Так как некоторые из уважаемых читателей, может быть, не очень хорошо владеют нидерландским или старофранцузским; ... (мы нисколько не сомневаемся в том, что это еще – или уже – был современный русский язык); ... - это, конечно же, не свидетельствует о том, что люди...; и др.*

Наиболее редко, судя по материалу, модальные слова употребляются в конце предложения: *...(не считая его диалектов, конечно)*. Финальная позиция особо выделяет уверенность автора в сказанном, поскольку является коммуникативно и содержательно очень сильной в структуре высказывания.

Когда автор не может однозначно выбрать позицию между полюсами уверенности и неуверенности, он использует знак авторской предосторожности, уклончивости – вводное слово *пожалуй*: *...в этом предложении, пожалуй, нельзя; Я не стану, пожалуй, приводить сейчас отрывки на древнерусском языке-..., где «пожалуй» - знак авторской предосторожности, уклончивости; Пожалуй, нет; Пожалуй, ни в русском, ни в других европейских языках ничего похожего не встретишь*.

Таким образом, современный автор научно-популярных лингвистических текстов балансирует между уверенностью и неуверенностью, используя примерно равное количество тех и других высказываний. Иногда он прибегает к словесным формулировкам, выражающим сомнение. Эти факты говорят о нежелании лингвиста-профессионала быть категоричным.

2.2. Автор и элементы его экспликации в книге Ю.Л. Воротникова

«Слова и время»

2.2.1. Автор и его самоидентификация

Рассмотрение авторского начала в книге Ю.Л. Воротникова «Слова и время», как и в предыдущем случае, начнем с анализа самоидентификации повествующего, того, как он себя позиционирует и представляет на страницах научно-популярного издания.

Подача материала осуществляется преимущественно от первого лица, что придает речи явно выраженный субъективизм: *Что-то я читал, а что-то мимо меня прошло; И вот теперь я размышлял, как хорошо было бы эту книжечку расширить и опубликовать в более пристойном для зрелого мужа виде; Я бы, конечно, тут с филологической точки зрения кое-что подправил...* и др. В противном случае Ю.Л. Воротников говорит о себе в третьем лице, как будто отстраняясь от своей личности и называя себя в 3-м лице автором: *Вот такая у автора получилась «картина маслом»; Автор полностью согласен с К.Г. Красухиным...* и др.

Искренность автора отражает квалификацию содержания как доверительную информацию говорящего о себе, его интересах, пристрастиях, увлечениях и т.д. [Перфильева 2006]. Охотно сообщает автор о многих фактах из биографии, личной жизни: *Я усиленно занимался изучением одного из интереснейших памятников древнерусской письменности – так называемого «Физиолога»; Я смотрел «Таинственного монаха» с друзьями-студентами в том же 1968 г. в круговой кинопанораме на ВДНХ...; Совсем недавно, в самом конце 2017 года, Академия наук издала мою книжку «Русский язык сегодня. Несколько штрихов к портрету»; В*

четверг у меня библиотечный, или, как я его называю по старой вузовской традиции, «банный» день (в расписаниях наших его обозначали б.д.); и др.

Не скрывает автор и свое незнание или непонимание тех или иных фактов либо положений дел: *Зачем академии понадобилось издавать такие невзрачные брошюры, я так до конца и не понял, ну, да, это и не суть важно; Ну, не знаю, не знаю; И я не знаю.*

Из определенных фрагментов книги становится возможным узнать и о друзьях автора: *Вышли в свет две книги моего очень хорошего старшего друга В.Г. Костомарова...; ...но очень важные для меня книги моего близкого друга А.Н. Рудякова...; Как не привести цитату из книги моего коллеги и близкого друга А.Н. Рудякова; ...(хоть я сам от друзей-петербуржцев это слово не слышал);* и др. Ими оказались профессиональные филологи, лингвисты, пытавшиеся в своих трудах осмыслить изменения, происходящие в русском языке.

Должное внимание автор уделяет и людям, которые внесли вклад в создание книги. На страницах научно-популярного издания выражена искренняя признательность и благодарность всем, кто активно принимал участие в работе над книгой, советовал, делал интересные замечания. В этой связи автор говорит о А.А. Сарибегяне, помогавшем в издании книги, кандидате филологических наук Г.С. Баранковой, докторе филологических наук К.А. Максимовиче и др.

Между строк становится возможным узнать и о принадлежности автора к возрастной группе (относит себя к пожилым людям): *Ну что же, возьмем классическое, нам, старикам, с молодости привитое, да и более молодым тоже небезызвестное определение языка В.И. Ленина...*

Осторожность автора – одна из характеристик, которая находит свое выражение во фразах с семантикой позволения: *...как в устах какого-нибудь, с*

позволения сказать, «ритора»...; И еще вот что: позволю себе именовать...; Но позвольте, получается что паразит на самом деле употребляют люди... и др. Подобные конструкции лишают адресанта резкости [Перфильева 2007] и отдают должное речевому этикету.

Проанализировав то, как автор определяет и характеризует себя в книге «Слова и время» можно сделать следующие выводы; автор

- 1) субъективен и индивидуален;
- 2) искренен и открыт перед своими читателями;
- 3) благодарен и признателен друзьям и коллегам, оказавшим ему помощь в написании книги.

Таким образом, если соотносить авторское начало и самоидентификацию авторов в книгах В. Плуногяна и Ю. Воротникова, следует прийти к выводу, что анализируемые составляющие в двух научно-популярных текстах, в целом, содержательно идентичны.

2.2.2. Адресат и его характеристика

Системообразующим свойством научно-популярного текста является коммуникативность, предполагающая постоянную ориентировку на адресата, общение с ним. Его учет выражается в использовании особых единиц, называемых М.П. Котюровой средствами адресации [Котюрова 2008].

К своему читателю автор относится уважительно, используя форму обращения на «вы», на письме подчеркивая вежливость использованием прописной буквы: *А главное, ведь в руках у Читателя не новая книга...; Автор спешит уведомить Вас, достопочтенный Читатель...; Вот поэтому у Вас в руках книга «Слова и время».*

Автор помогает читателю сориентироваться в содержании текста, используя ретроспективную направленность изложения, например, прибегает к заскобочным ссылкам: *Как у А.Е. Кибрика (см. выше)...*; обеспечивает смысловую связность фрагментов содержания, возвращая читателя к ранее сказанному: *Не так давно А.Н. Рудяков, об одной из книг которого речь уже шла, ...* и др.

Необходимо отметить, что зачастую автор научно-популярного текста приобщает читателя к себе, так же, как и В. Плунгян, используя «мы». Таким образом, адресат представлен не наблюдателем, а участником познавательного процесса совместно с автором: *Раньше мы могли сказать; Мы как бы возвращаемся к петероглифам...; Мы можем увидеть* и др.

Автор пытается вступить с читателем в диалогические отношения. С целью привлечения адресата в процесс размышления он использует вопросы: *Да и что такое время в языке?; Хорошо это или плохо?; А что поделаешь?; А что эти идеалисты заявляют? Язык – инструмент мышления, т.е. мышление им пользуется, но, может быть и неязыковым, значит?*

Иногда Ю. Воротников сам дает ответы на обозначенные им вопросы, тем самым обеспечивая читателю возможностью проследить ход авторских размышлений: *А для языка? Много это или мало? И мало – в эпохи спокойного, размеренного течения жизни, и много – в эпохи перемен; Да и вообще, что такое этот самый язык? Да и «время» – уж очень общо. Это когда? Сегодня? Вчера? Или тысячу лет назад? Или – всегда? Неясно; и др.*

Побуждая адресата совершить познавательные усилия, автор прибегает к средствам активизации его внимания: *И, тем не менее, давайте вместе попробуем прочертить...; ...заинтригую читателей: прочитайте сами! Это интересно; Давайте разбираться...*

Работая над книгой, автор преследовал цель *побудить читателя почаще задумываться над тем, как он говорит*. Время от времени на страницах книги обнаруживаются призывы, наставления для адресата: *Действительно, язык – обоюдоострое оружие, и пользоваться им нужно крайне осторожно, чтобы не причинить вреда ни окружающим нас людям, ни себе самим; ...мы не должны, не имеем права забывать о тех традициях русского народа....*

Таким образом, все обозначенные выше метапоказатели эксплицируют факт присутствия образа адресата в сознании говорящего. Так же как и В. Плунгян, Ю. Воротников проявляет к своему читателю глубокое уважение, внимание, заботу, пытается заинтересовать его, вовлечь в беседу, приобщить к рассуждениям по теме, дать полезные наставления.

2.2.3. Метатекстовый компонент

Метатекст, выступающий в роли организатора композиции текста, способа аргументации позиции говорящего, выполняющий дискурсивные, модальные функции, [Ростова 2000] «представляет собою совокупность вербальных и невербальных знаков, передающих рефлекссию говорящего относительно особенностей собственного речевого поведения» [Перфильева 2009]. В анализируемой книге Ю. Воротникова экспликация метаязыкового сознания выражена преимущественно вводными конструкциями и модальными словами.

Для того чтобы установить связь между авторизацией и метатекстом, автор создает зону взаимодействия между ними – вводные предикативные единицы со значением обобщенного лица, авторского я или мы: *Ведь со времени выхода в свет*

первого издания моей книги прошло, как я уже сказал, пятнадцать лет; В этой книге мы уже несколько раз подчеркивали... и др.

Формальная и смысловая связь между сегментами научно-популярного текста выражена при помощи показателей очередности: *...во первых, уж слишком претенциозным, что ли..., а во-вторых, какое-то оно...»; ...В-третьих, в новое издание вошло два новых раздела...В-четвертых, вместо «Заключения» первого издания появляется «Эпилог»...; И далее – почти афористично...; и др. О логическом же выводе сигнализируют следующие метаэлементы: *И, наконец, вывод – чем все же является эта дряка языка...; Итак, рассмотренная нами концепция...; и др.* Такие метапоказатели-скрепы структурируют текст, помогают читателю проследить за логической цепочкой автора.*

С помощью определенных метапоказателей становится возможным маркировать информацию по степени важности. Например, вводное слово *кстати* обозначает информацию как дополнительную: *Есть среди них, кстати, и эмодзи*; конструкция *а главное* – самую важную, на которую стоит обратить особое внимание: *А главное, ведь в руках у Читателя не новая книга.*

Широко распространен здесь прием заключения в кавычки слов, устойчивых выражений либо лексических единиц, употребляющихся не в своём обычном значении, не в привычном, неожиданном для них контексте: *Ну, а совсем рвать «пуповину», связывающую эти две книги...; ...так сказать, «перекочевало» кое-что совсем без изменений, а кое-что в «поновленном» (в смысле обновленном)...; Что же вызвало столь гневные слова в адрес «орудия человеческого мышления и общения»?; ...,то «венец творения» недостойн бы был стать даже рядом с самым ничтожным из «скотов бессловесных»; ...в наше «удобопревертное» время...*

Широко использует автор метапоказатели, вводящие иллюстративный материал, в особенности (на)пример: *Например, победно взошел на языковой небосклон и успел закатиться так называемый олбанский язык; Приведу тому один только, но очень яркий пример; Есть, например, абсолютно бесспорный Кант с его попытками онтологического обоснования Бытия...* Подобные элементы способны углубить понимание информации, вызвать интерес и развить любознательность у читателей.

Прибегает автор и к сравнительно-сопоставительным метаэлементам, которые эксплицируют связь двух различных версий, аспектов какого-либо вопроса, например, *Язык все еще не выдает нам своей сути: того, что он дом истины Бытия. Язык, наоборот, поддается нашей голой воле....* Это позволяет говорить о разностороннем, не ограниченном одной точкой зрения подходе автора к рассматриваемой проблеме.

Если говорить о соотношении экспликации метаязыкового сознания в книгах В. Плунгяна и Ю. Воротникова, отметим, что авторы двух научно-популярных текстов используют идентичные типовые метапоказатели, как правило, вводные и модальные конструкции.

2.2.4. Экспрессивно-оценочный план

В основе оценочного плана в книге Ю. Воротникова лежат не субъективные представления о том, что «хорошо», а что «плохо», как в научно-популярном тексте В. Плунгяна (см. разд. 2.1.4), а эмоционально-экспрессивное отношение автора к предмету сообщения.

Прежде всего, нельзя не отметить изобилие восклицательных предложений в тексте, передающих сильные эмоции автора, главная задача которых, по мнению Л.А. Пиотровской, «состоит в том, чтобы их выразить собеседнику, а не просто сообщить партнеру о каком-то событии» [Пиотровская 2005: 106]: *Да, последние инвективы в мой адрес датированы числом – прямо за день до моего дня рождения!!!; А укладывались они не всегда, и «отрезать ноги» какой-нибудь своей идее не хотелось очень-очень – а надо!; Ведь можем без заимствований, когда хотим!; Но конференция-то – для наших московских школьников, а еще и в здании Российской академии наук!; «Во дает»! А теперь! Ну, мат, ну и что?; Только, чур, не обвинять автора в культивировании «клипового» сознания!* и др.

Автор не скрывает своих чувств и состояний, выражая их при помощи безличных конструкций с оценочными глаголами, описывающими эмоциональное отношение: *Дальше смотреть сил у меня уже не было...; И вот что радует – ведь слова-то наши, родные!; Но что меня особо раздражает в последние годы...; Почему же это заимствованное междометие меня так раздражает?; Смешно, не правда ли?;* и др.

Как видно, оценочные компоненты в тексте часто эксплицируют эмоционально-экспрессивное отношение с отрицательным посылом: *За последние десять лет с заимствованиями, конечно, просто беда; А собаку съел – и опытным, знающим стал – непонятно, нелогично, нелепо, да просто чушь собачья! Кто, какие идиоты условились???* и др.

Эмотивную функцию в тексте несет и метасредство *так сказать*, как «эмоционально-субъективная оценка говорящим формы собственного высказывания» [Андрющенко 1981: 71], частотно используемая автором: *И ни одной*

попытки, так сказать, «синхронно» отмахнуться...; Но вот было бы такое толкование самоочевидным для наших предков – это, так сказать, большой вопрос.

Использование автором научно-популярной книги разговорной и просторечной стилистически-окрашенной лексики сближает автора с массовым читателем, делает восприятие более доступным: *Подумаем еще, пораскинем мозгами; Так и вертится на языке вопрос; чушь собачья и др.*

Таким образом, становится очевидным, что экспрессивно-оценочный план в анализируемом тексте ярко выражен при помощи восклицательных предложений и стилистически-окрашенной лексики, которые проявляют эмоциональную, часто интенсивную и критическую оценку. Если сравнивать данную категорию в двух представленных книгах, то Ю. Воротников с точки зрения проявления речевой экспрессии выглядит ярче. Однако соответствующие оценочные формы в его «Словах и времени» окрашены преимущественно негативно – в отличие от книги В. Плунгяна, у которого оценка, во-первых, преимущественно положительная, а во-вторых, более объективная, поскольку взаимосвязана с аспектом языковой нормы.

2.2.5. Категория эвиденциальности

Источником информации в научно-популярной книге может быть как сам говорящий, так и другое лицо, упоминаемое в тексте. В последнем случае автор выбирает либо способ цитирования речи постороннего, либо форму пересказа чужих мыслей. В этой связи принято говорить о категории эвиденциальности, к средствам маркировки которой «помимо экспликации источника информации также относятся способы, указывающие на косвенный характер информации, поэтому эта категория называется «пересказывательной» [Молошная 1989: 63]. Она относится как к

случаям очевидности, непересказывательности, так и к неочевидности, пересказывательности [Козинцева 1994].

Категория эвиденциальности способна включать информацию либо о наличии источника высказывания, либо о его отсутствии или неизвестности [Кобрина 2005].

Преимущественно субъектом высказывания в научно-популярном тексте является сам автор, выступающий источником информации: *Я подумал и – согласился, еще не совсем понимая, на какие муки себя обрекаю; Я убедился в этом на собственном опыте;* и др.

Нередко автор ссылается на речь известных людей, используя их цитаты: *Сошлюсь на одного из них, нашего великого соотечественника М.В. Ломоносова, который говорил: «Блаженство рода человеческого коль много от слова зависит, всяк довольно усмотреть может...»; Вот, что можно прочесть об этом у апостола Иакова: «А язык укротить никто из людей не может: это – неудержимое зло: но исполнен смертоносного яда»; Далее Гумбольдт утверждает, что «язык не есть просто размеренное средство для взаимопонимания...»; и др. Подобного рода интертекстуальность свидетельствует об усложнении авторского начала. По мнению Т.В. Шмелевой медийный автор обязан привлекать чужую информацию, что создает своеобразную имитацию множественного авторства [Шмелева 2012].*

Субъектом высказывания могут быть не только конкретные личности, но и обобщенный, групповой субъект. В таком случае автор использует неопределенный источник информации, и, таким образом, возникает эффект некоторой непричастности, отстраненности его от самой информации: *Идет ли его тотальное разрушение, как утверждают некоторые, или, напротив, происходит его раскрепощение...как полагают другие; Родился и пошел к закату целый языковой,*

как говорят лингвисты, дискурс – так называемый албанский язык; Некоторые полагают, что в наш век экстракорпорального оплодотворения он совсем устарел; и др.

Средствами выражения категории эвиденциальности могут быть и конструкции, обозначающие не оригинальность, а общепринятость высказываний; например, *Как известно, язык знаковая система; Но, как говорится, «всех не пересажаешь»*. Конструкции подобного рода позволяют автору снять с себя ответственность за использованную номинацию [Котюрова 2008].

Таким образом, мы видим, что источником информации в научно-популярной книге становится как сам говорящий, так и другие личности – третьи лица – конкретные или обобщенные.

2.2.6. Модус воспоминания

Модус «воспоминания» соотносится с предикатами *вспомнить, припомнить* и др., называющими ментальную операцию. Как отмечает Е.В. Падучева, связан он «с отступом назад во времени» [Падучева 1996: 397]. Такие лексемы как *помнится, вспомню* являются эксплицитным средством выражения «воспоминания» [Перфильева 2012].

Эта категория мало исследована, но обнаруживает свои маркеры не только в художественной, но и в научно-популярной литературе.

Чаще всего данный модус используется для отсылки к событиям из прошлого, свидетелем которых был сам говорящий: *Помню, как во время одной из лекций...; Мне лично она напоминает китайскую энциклопедию;* и др.

В границах данного модуса автор может апеллировать и к адресату, призывая его возобновить в памяти актуальную информацию: *Помните, что говорил Мюнхгаузен-Янковский...*; *Вспомним, как у Сергея Есенина в «Анне Снегиной»...*; *Вспомним топор как символ крестьянской революции...*; *Напомню, что знаки, в зависимости от типа связи в них означающего и означаемого, бывают очень разные;* и др.

Модусная рамка «воспоминания» в ряде случаев коррелирует с категорией авторизации: в научно-популярном тексте цитирование чужой речи, имевшей место в прошлом, создает впечатление достоверности, фактической точности: *М.А. Кронгауз, как мы помним, ... проговорился в интернете: «Можно сказать, что пара слов-паразитов отражает наше осмысление реальности: «как бы» размывает реальность, «на самом деле», наоборот, ее фиксирует».*

Что касается выводов, они состоят в следующем.

Если соотносить самоидентификацию авторов и отношение к адресату в книгах В. Плунгяна и Ю. Воротникова, следует прийти к выводу, что анализируемые составляющие в двух научно-популярных текстах, в целом, содержательно идентичны. Так же, как и В. Плунгян, Ю. Воротников очевидно проявляет себя в тексте, с той лишь разницей, что для последнего существенным оказывается режим воспоминаний. В то же время оба автора эксплицируют через модусные показатели глубокое уважение и внимание к своему читателю – пытаются заинтересовать его, вовлечь в беседу, приобщить к рассуждениям по теме, дать полезные наставления. Кроме того, лингвисты используют идентичные типовые метапоказатели, как правило, вводные и модальные конструкции.

Однако нельзя сказать, что авторское начало в двух анализируемых текстах полностью совпадает в содержательном аспекте.

Так, если сравнивать эмоционально-оценочные текстовые смыслы, то Ю. Воротников в аспекте речевой экспрессии выглядит несколько ярче. При этом соответствующие оценочные формы в его «Словах и времени» окрашены преимущественно негативно – в отличие от книги В. Плунгяна, у которого оценка, во-первых, преимущественно положительная, а во-вторых, более объективная, поскольку взаимосвязана с аспектом языковой нормы.

Если же говорить о соотношении собственно авторской и заимствованной информации, то В. Плунгян явно предпочитает основывать рассуждения на собственных наблюдениях, в достоверности выводов по поводу которых он может сомневаться, предполагая наличие альтернативной точки зрения. На этом фоне Ю. Воротников – автор с более корпоративным сознанием, постоянно апеллирующий к мнению авторитетных для него субъектов, часто коллег-лингвистов и филологов. Это имеет следствием то, что в книге Ю. Воротникова активно используются показатели эвиденциальности, в том числе ссылки на общее мнение и точку зрения третьих лиц.

Глава III

Дидактические материалы

«Образ автора в научно-популярных текстах о русском языке»

3.1. Пояснения к упражнениям

Данная глава демонстрирует методический потенциал наблюдений и положений, оформленных в 1 и 2 главах настоящей работы.

Предварительно отметим, что в процессе обучения русскому языку научно-популярные книги о русском языке, проанализированные в данной работе, можно использовать как богатый и актуальный, современный материал для развития у обучающихся интереса к родному языку и для развития у них языковой рефлексии. Эти книги могут составить основу для элективных курсов по русскому языку и культуре речи, поскольку являются источником множества конкретных примеров о «жизни» современного русского языка во всем его многообразии форм, традиционных и новых смыслов.

Автор выпускной квалификационной работы предлагает только один из вариантов использования этого богатого материала. В данной главе представлены 10 упражнений, которые составлены с целью продемонстрировать обучающимся способы проявления автора в тексте, а также с целью дать в руки наиболее заинтересованным школьникам «инструменты» проявления себя в собственных текстах (например, как авторов в социальных сетях и мессенджерах).

Базой для формирования заданий стали фрагменты из известных современных текстов о русском языке М. Кронгауза, В. Храппы, В. Бабенко, И. Левонтиной, Н. Юдиной, Ю. Воротникова, Л. Успенского, М. Бобылева, П. Массалыгиной [Кронгауз

2016, Храппа 2011, Бабенко 2016, Левонтина 2015, Юдина 2010, Воротников 2019, Успенский 2017, Бобылева 2021, Массалыгина 2019].

Разработанные ниже методические упражнения могут быть применены в школьной практике преподавания русского языка. В частности,

- в 5 классе при изучении параграфов 52 «Восклицательные предложения» и 69 «Оценка действительности», согласно учебнику «Русский язык. 5 класс» под ред. М.М. Разумовской и П.А. Леканта [Разумовская 2012], целесообразно использовать упражнения, касающиеся оценочной категории (№ 2,4);
- в 6 классе при прохождении материала параграфа 42 «Повествование делового и научного стилей», согласно учебнику «Русский язык. 6 класс» под ред. М.М. Разумовской и П.А. Леканта [Разумовская 2013], возможно применить задания, касающиеся обнаружения метатекстовых компонентов в высказываниях (№ 2,7);
- в 8 классе при изучении параграфов 35 «Предложения с вводными конструкциями», 36 «Предложения с вставными конструкциями», согласно учебнику «Русский язык. 8 класс» под ред. М.М. Разумовской и П.А. Леканта [Разумовская 2019], могут быть использованы упражнения, направленные на обнаружение вводных слов / конструкций в тексте, их разграничение с другими членами предложения, расстановку знаков препинания (№ 2, 6, 7, 8, 10). Кроме того, при знакомстве с содержанием 35 параграфа того же учебника, в рамках изучения групп вводных слов по их значениям, в частности по источнику сообщения, уместно использовать и упражнение № 5 об определении субъекта высказывания (эвиденциальность);
- в заданиях конкурсного и олимпиадного типа. В особенности это касается упражнений, направленных на выявление образа автора в целом, его отношения к своим читателям (№ 1,3). В качестве такового может быть использовано

упражнение на рассуждение № 9. Последний вопрос повышенной сложности (№ 10) является обобщающим, предполагает комплексный учет знаний и умений, которые использовались для выполнения рассмотренных выше заданий.

3.2. Упражнения

Упражнение 1

Проанализируйте следующий фрагмент научно-популярного текста с точки зрения реализации в нем образа автора. Найдите все слова/выражения, которые прямо называют или обозначают автора. Составьте их список и определите части речи. Какую информацию об авторе вы узнали, что вы можете сказать о его чувствах, убеждениях и фактах биографии? Изложите это кратко.

«Я еще не знал, к чему ведут компромиссы, и что, стоит уступить один раз, уступишь снова. Следующей подверглась цензуре фраза *Молодая мать бушевала в кабинете главврача, требуя улучшения условий*. Какое счастье, что в те времена примеры придумывались из головы, я с легкостью породил конформистское: *Молодая мать попросила нянечку принести ей еще две пеленки*. После обсуждения еще нескольких предложений мы вроде бы завершили работу, и я уже радовался тому, что лингвистическое содержание никак не пострадало, как редактор, задумчиво посмотрев на меня, мягко сказала: «Ну, еще одно, последнее. Вот тут у вас...». И она ткнула пальцем во фразу *Человек смертен*. Внезапно я понял, что именно здесь проходит граница моей готовности к сотрудничеству с режимом».

- Простите, но это же не я сказал, и вообще, вроде бы так и есть, - промямлил я, понимая, что заменить эту фразу просто не смогу.

- Да, ну ладно, - сказала редактор, и наш разговор закончился.

Так я пострадал от власти и начал лингвистическую карьеру» [Кронгауз 2016: 9].

Упражнение 2

Прочитайте отрывки из научно-популярных текстов. Установите соответствие между характеристиками образа автора и фрагментами текстов, в которых они проявлены: к каждой позиции первого столбца подберите соответствующую позицию из второго столбца.

Характеристики образа автора

Фрагменты текстов

А) Факты из личной жизни

«Недавно услышал выражение беден как Лазарь. Откуда взялась эта поговорка? Я помню библейскую историю о том, как Христос воскресил из мертвых какого-то Лазаря» [Храппа 2011: 13].

Б) Уверенность/неуверенность

«Именно поэтому стало возможным такое его «неправильное» употребление: Ты, мать, что – совсем сбондила со своими сценариями? – наконец спросил он негромко» (Д. Рубина) [Кронгауз 2016: 122].

В) Оценка

«Каждый год на курсе этимологии в Институте журналистики и литературного творчества я рассказываю о «числительных» словах, то есть о тех словах, в которые входят числительные...Собравшись написать о

слове «тризна» в этой книге я все-таки – для верности – заглянул в словарь...Я обратился к другим словарям – тоже основательным и солидным» [Бабенко 2016: 37].

Д) Воспоминание

«Возможно, это поляна в лесу, удобная для спортивно-оздоровительного или тимбиолдинового мероприятия. Может, партия подыскивает подходящую площадь для митинга. А то, может, речь вообще идет о сайте, который готов что-то такое у себя повесить» [Левонтина 2015: 46].

Упражнение 3

Прочитайте фрагменты из научно-популярных текстов. Определите отношение автора к читателю. Найдите в отрывке № 2 глаголы, побуждающие к действию. В каком наклонении они употреблены в тексте?

1) «Я надеюсь, что у читателей этой книги установится хорошее настроение...Сразу успокою читателя: он не сильно утомится – главы будут небольшие, порой даже главки, а не главы (и читать такую книгу можно с любого места, и на любом месте легко остановиться), но количество набралось именно такое» [Бабенко 2016: 26].

2) «И, тем не менее, давайте вместе попробуем прочертить (хотя бы пунктирно) тот путь, которым философ идет к постижению сущности языка...Заинтригую читателей: прочитайте сами! Это интересно». [Воротников 2019: 151]

Упражнение 4

Прочитайте предложение из известного научно-популярного текста. Какая оценка дается ирландскому семейству (положительная/ отрицательная)? При помощи каких выражений Вам удалось определить ее? К какому стилю речи относятся такие слова?

«Некоторые составители словарей рассказывают историю об ирландском семействе Хулиганов, которые были такими драчунами, задирами и бузотерами, что постоянно попадали в полицейские участки, и впоследствии их фамилия стала именем нарицательным – именно в силу буйности семейства» [Бабенко 2016: 167].

Упражнение 5

Прочитайте фрагменты из научно-популярных текстов. Можно ли обнаружить слова/словосочетания, которые указывают на говорящего? Определите, кто является источником информации в текстах: конкретные личности или обобщенные.

А) «А. Вежбицкая предполагает еще более сложное противопоставление «языков» в социалистической Польше, говоря о специальном антитоталитарном языке. Можно спорить о языковом статусе описанных ею явлений, но, по-видимому, необходимо признать существование особых маркеров «антитоталитарности». Это: и упомянутое выше сквернословие, и ирония или языковые игры, осуществляемые с

помощью языковых или речевых механизмов, например, по Вежбицкой, подчеркнутое употребление русских слов в польской речи» [Кронгауз 2016: 82].

Б) «Поэтому, говорят, что у твердого знака здесь роль разделителя. Но кроме того (и это мы уже отмечали), он просто заменяет собой «йот» [Успенский 2017: 204].

Упражнение 6

Составьте по 2 предложения со словами «кажется», «может» так, чтобы в одном случае они являлись вводными словами, а в другом – членами предложения. Расставьте знаки препинания в полученных предложениях.

Упражнение 7

Прочитайте высказывание. Найдите и выпишите слово, которое употребляется при пояснении, уточнении сказанного ранее. Определите его синтаксическую роль в предложении.

«Вот, например, Екатерина Шульман в программе «Статус» на радио «Эхо Москвы» 6 октября 2020 года сказала, отвечая на вопрос про феминитивы: «Язык – это власть, разумеется» [Бобылева 2021: 7].

Упражнение 8

Найдите в предложенном фрагменте научно-популярного текста все вводные слова/конструкции. Расставьте недостающие знаки препинания в предложениях.

«В этой связи к сожалению не всегда получается воспользоваться услугами корректора. Кроме того на наш взгляд довольно часто модераторами Интернет-сайтов являются люди, не имеющие профессионального филологического

(лингвистического) образования и в результате не подозревающие о тех ошибках, которые множатся на страницах различных электронных ресурсов. Тем не менее «языковой портрет» сайтов телеканалов, газет и журналов на наш взгляд должен отвечать высокому званию журналиста как носителя образцового русского языка» [Юдина 2010: 254].

Упражнение 9

Прочитайте данный отрывок из научно-популярного текста. Подумайте, с какой целью автор задает вопросы в тексте и сам же на них отвечает?

«Что же может препятствовать использованию глагола с пустой основой в каком-либо значении? По-видимому, либо его известность в качестве лексической единицы, либо контекст, навязывающий то или иное прочтение.

Образ клише как носителя некоей ЭНЕРГИИ кажется весьма привлекательным и несколько загадочным. Что это за энергия? Исчезает ли она безвозвратно или все же как-то сохраняется в языковом знаке? Может быть, наиболее ярко присутствие этой энергии ощущается не в канонических случаях употребления клише, а при его разрушении» [Кронгауз 2016: 130].

Упражнение 10

Прочитайте фрагмент из научно-популярного текста. Проанализируйте его с точки зрения реализации в нем образа автора: возможно ли определить того, кто сообщает информацию; известны ли факты из биографии говорящего; уверен/неуверен ли автор в своих высказываниях; пытается ли привлечь внимание читателя; какие стили речи использует и др.

«Вы что-нибудь из этого поняли? Наверное, с первого раза – нет, захотелось перечитать.

Если вы до этого момента говорили «сморозить глупость/чушь/бред» и думали, что это слово связано с морозом, то вы ошибались. Потому что сморозить – это уже сказать глупость. Как так получилось?

Наверное, никого не удивит тот факт, что очередная проделка семинаристов, которые раньше в обязательном порядке изучали греческий язык. По-гречески («морос») – глупый, соответственно, новообразованный глагол «сморозить» означает «сказать глупость». [Масалыгина 2019: 33].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что основная цель данной работы и задачи, которые были направлены на ее достижение, выполнены.

Автор выпускной квалификационной работы исследовал феномен авторского начала в научно-популярных текстах, проанализировав нескольких книг о русском языке и речи современных российских лингвистов: В. Плуногяна «Почему языки такие разные», Ю. Воротникова «Слова и время», М. Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва», «Самоучитель олбанского», «Слово за слово. О языке и не только», И. Левонтиной «Русский со словарем», «О чем речь», Ю. Андреевой и К. Турковой «Русский без нагрузки». Установлено, что главным объектом внимания лингвистов-популяризаторов является слово и его различные составляющие, характеристики и функции: морфемы, стилевая принадлежность, значение, использование в современном контексте и т.д. Главной проблемой, переходящей из книги в книгу, оказывается проблема языковой нормы.

На материале книг В.А. Плуногяна «Почему языки такие разные» и Ю.Л. Воротникова «Слова и время», выявлены следующие элементы авторского начала:

- автор и его самоидентификация;
- адресат и его характеристика;
- модус воспоминания;
- метатекстовый компонент;
- экспрессивно-оценочный компонент;
- уверенность / неуверенность в достоверности информации (персуазивность);
- эвиденциальность (см. Приложение А).

Языковые формы, фиксирующие эти элементы, образуют следующий ряд:

- отдельные лексемы и словосочетания оформляют позицию автора и позицию читателя (сравните: *я, автор – вы, читатель*), а также конкретные оценки;
- вводные слова и конструкции выражают степень уверенности говорящего, логику его рассуждений, фиксируют отсылки к различным источникам информации;
- вопросительные и восклицательные высказывания используются для экспрессивности и проявления отношения автора к читателю и его обращений к нему, позволяют создать атмосферу причастности, вовлеченности, сопереживания;

Все это является теми средствами, с помощью которых автор-популяризатор обнаруживает себя в тексте. Он присутствует там как субъект, демонстрирующий характерные личностные качества, а именно:

- как профессионал, открытый мнениям своего окружения (*мои друзья, мои знакомые-лингвисты*);
- как личность кооператорского типа, культивирующая некатегоричность и тем самым проявляющая уважение к широкой аудитории (*мы-любознательных*);
- наконец, как высоко эмоциональный оптимист (*очень; замечательно*) либо как критик (*что меня особо раздражает в последние годы...; просто беда*).

Авторское начало может быть усложнено в случае использования интертекстуальности, когда источником информации становится не сам говорящий, в таком случае создается «имитация автора».

Перечисленные выше характеристики чаще всего употребляются в комплексе. Дополняя и усиливая друг друга, они создают в соответствующем фрагменте текста явственный образ автора, который придает научной информации статус индивидуального, персонифицированного знания. Таким образом, не остается сомнений в том, что научно-популярный текст имеет явно выраженный личностный план.

В методической части исследования продемонстрировано, как материал научно-популярных книг по русскому языку может быть использован в школе, в рамках предмета «русский язык», в частности, в темах, посвященных изучению вводных слов и выражений, восклицательных предложений, стилистике и оценке; имеются в виду 10 упражнений, разработанных автором выпускной квалификационной работы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Андреева Ю., Туркова К. Русский без нагрузки. – М.: АСТ, 2017. – 352 с.
2. Андриющенко Т.Я. Метатекст и его роль в интерпретации текста / Т.Я. Андриющенко // Проблемы организации речевого общения: сб. ст. / под ред. Е.Ф. Тарасова. – М.: Ин-т языкознания, 1981. – С. 71
3. Бобылева М. Мы так говорим. Обидные слова и как их избежать. /Мария Бобылева. – М.: АСТ, 2021. – 224 с.
4. Бабенко В. Откуда у слов ноги растут. – М.: ЛомоносовЪ, 2016. – 216 с.
5. Воротников Ю.Л. Слова и время. – М.: Наука, 2019. – 271 с.
6. Воронова А.В. Научно-популярные тексты как объект функционально-стилистического анализа // вестник российского университета дружбы народов. серия: русский и иностранные языки и методика их преподавания. – М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2016. – С. 7-12
7. Вежбицкая А. Метатекст в тексте / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 402-421
8. Bookmix: клуб любителей книг. [Электронный ресурс]; URL: <https://bookmix.ru/book.phtml?id=2369996> (Дата обращения: 21.02.2022)
9. Гурин В.В. Модусные характеристики высказываний с предикатами полагания в английском языке / В. В. Гурин // Вестник Кузбасской государственной педагогической академии: электронный журнал. 2011. № 3. [Электронный ресурс]; URL: <https://icdlib.nspu.ru/views/icdlib/5833/read.php> (Дата обращения: 27.04.2022)
10. Гришечкина Г.Ю. Научно-популярная лингвистическая литература: аспекты изучения в русле функциональной стилистики // Вопросы когнитивной

- лингвистики. – Тамбов: Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2010. – С. 130–136
11. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
 12. Кронгауз М. А. Слово за слово: о языке и не только. – М.: Дело РАНХиГС, 2016. – 480 с.
 13. Кронгауз М. А. Самоучитель Олбанского – Москва.: АСТ, 2013. – 412 с.
 14. Копытов О.Н. Модус на пространстве текста: монография. – Хабаровск: Изд-во ХГИИК, 2012. – 299 с.
 15. Котюрова М.П., Баженова Е.А.. Культура научной речи: текст и его редактирование учеб. пособие. – 2е изд., перераб. и доп. – М.: Флинта, 2008. – 280 с.
 16. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 232 с.
 17. Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. В 2 кн. Кн. 1 Теория: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2006. – 319 с.
 18. Кобринина О.А. Категория эвиденциальности: ее статус и формы выражения в разных языках // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1. С. 86-98. [Электронный ресурс]; URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-evidentsialnosti-ee-status-i-formy-vyrazheniya-v-raznyh-yazykah>. (Дата обращения: 25.04.2022)
 19. Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблема типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92 – 104
 20. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. 3-е изд. – М.: Просвещение, 1993. – 224 с.

21. Ковтунова И.И. Вопросы структуры текста в трудах академика В.В. Виноградова // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста: Виноградовские чтения XI. – М.: Наука, 1982. – С. 5
22. Левонтина И. Б. О чём речь. – М.: CORPUS, 2015. – 512 с.
23. Левонтина И. Б. Русский со словарем. – М.: Азбуковник, 2010. – 364 с.
24. Масалыгина П. Большая книга о великом и могучем русском/ Полина Масалыгина. – М.: АСТ, 2019. – 192 с
25. Молошная Т.Н. Категория пересказываемости болгарского глагола // Советское славяноведение. 1989. № 2. С. 63
26. Плунгян В. А. Почему языки такие разные. Популярная лингвистика. – М.: Русистика, 2017. – 272 с.
27. Перфильева Н. П. Модус воспоминания: между истиной и ложью: на материале мемуарной литературы / Н. П. Перфильева // Дискурс лжи и ложь как дискурс / под ред. Т. А. Трипольской; Новосиб. гос. пед. ун-т, Ин-т филологии, массовой информации и психологии. - Новосибирск, 2012. С. 24-33.
28. Перфильева Н. П. Экспликация текстовой компетенции в метакомментарии / Н. П. Перфильева // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективн. моногр. Ч. II / Н. Д. Голев. – Томск, 2009. – С. 90-140. [Электронный ресурс]; URL: <https://icdlib.nspu.ru/views/icdlib/2071/read.php> (Дата обращения: 17.03.2022)
29. Перфильева Н. П. Возвращаясь к функциям метатекста / Н. П. Перфильева // Проблемы выбора и интерпретации языкового знака говорящими и слушающими: Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск, 2007. – С. 51-60. [Электронный ресурс]; URL: <https://icdlib.nspu.ru/views/icdlib/2079/read.php> (Дата обращения: 17.03.2022).

30. Перфильева Н.П. Метатекст: текстоцентрический и лексикографический аспекты: автореф. дис. доктора филологических наук: 10.02.01 / Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск, 2006. – С. 39-42. [Электронный ресурс]; URL:<https://www.dissercat.com/content/metatekst-tekstotsentricheskii-i-leksikograficheskii-aspekty> (Дата обращения: 09.03.2022).
31. Пиотровская Л.А. Стратификация эмоций в речемыслительной деятельности // Функционально-лингвистические исследования: Сб. науч. ст. в честь проф. А.В. Бондарко. – СПб.: Наука, САГА, 2005. С. 102-115
32. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в рус. яз. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. - М.: Языки русской культуры, 1996. - 464 с.
33. Разумовская М.М., Львова С.И., Капинос В.И. и др. Русский язык. 8 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений. – М.: Дрофа, 2019. – 270 с.
34. Разумовская М.М., Львова С.И., Капинос В.И. и др. Русский язык. 6 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений. – М.: Дрофа, 2013. – 335 с.
35. Разумовская М.М., Львова С.И., Капинос В.И. и др. Русский язык. 5 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений. – М.: Дрофа, 2012. – 317 с.
36. Ростова. А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания: на материале русских говоров Сибири: автореферат дис. доктора филологических наук: 10.02.01 / Кемер. гос. ун-т. Каф. рус. яз. – Томск, 2000. – 40 с. [Электронный ресурс]; URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bi_b1_247536/ (Дата обращения: 05.04.2022).
37. Успенский Л. В. Слово о словах. Очерки о языке/ Л. Успенский. – М.: Зебра Е, 2017. – 496 с.

38. Храппа В. От адамова яблока до яблока раздора. Происхождение слов и выражений / Вадим Храппа. – М.: ЭНАС, 2011. – 176 с.
39. Шкуропацкая М.Г. Аспекты семантики предложения: учебное пособие / М.Г. Шкуропацкая. – Алтайская государственная академия образования им. В.М. Шукшина. – 2-е изд., исправ. и доп. – Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2014. – 186 с.
40. Шмелева Т. В. Медийное речеведение: сборник статей / Т.В. Шмелева. – СПб, 2012. С. 8-16.
41. Шмелева Т.В. Культура речи: сборник статей и материалов / Т.В. Шмелева. – Великий Новгород: РЦРО, 1998. – 80 с.
42. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык» / Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 1994. – 54 с.
43. Юдина Н.В. Русский язык в 21 веке: кризис?эволюция?прогресс. – М.: Гнозис, 2010. – 293 с.
44. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика / Сокр. пер. Мельчука И.А. // Структурализм: «за» и «против»: Сборник статей. – М.: Прогресс, 1975. – С. 201–212.

ПРИЛОЖЕНИЕ А.

Образцы элементов авторского начала в научно-популярных текстах о языке

Автор и его самоидентификация

- *Я все равно не сформулирую лучшие Льва Лосева;*
- *Я с некоторой досадой вижу...;*
- *Недаром ведь железнодорожники называют поезда составами!;*
- *С таким отношением я столкнулась, когда три года назад мы начали обучать взрослых;*
- *В своем айфоне я насчитал более полутора тысяч смайликов;*
- *Оказалось, я ошибалась.*

Адресат и его характеристика

- *...или же о ее «рас-строенности» и «не-лепости» судить, конечно, Читателю»;*
- *Мы сразу говорим...;*
- *...если вы уже успели забыть об этом – загляните в раздел 4 пятой главы!;*
- *Интересно, сможете ли вы точно сказать какие?;*
- *Обратите внимание, что это слово неизменяемое;*
- *Боюсь, что значительная часть моих читателей не сможет оценить этот юмор.*

Метатекстовый компонент

- *Кстати, если уж зашла речь о напитке под названием латте;*

- *До этого мы уже выяснили, что перед нами местоимение с предлогом;*
- *...вы уже знаете, что при — это предлог;*
- *Во-первых, не удваивайте в названии этого напитка никакие согласные;*
- *А вот так, например, описан он в Азбуковнике XVII в.:...*

Экспрессивно-оценочный план

- *Это очень хорошо отражено в анекдоте;*
- *Просто выскажу несколько замечаний (не бесспорных, о, далеко не бесспорных!)...;*
- *Просто шикарные...;*
- *Но сейчас уже вроде нормально;*
- *Нет ничего плохого.*

Персуазивность

- *Но вы, наверное, уже поняли, что эти изменения в грамматике...;*
- *А лучшие, конечно, чтобы мечты сбывались;*
- *Наверняка вы хоть раз получали приглашение;*
- *Кажется, их смысл очень похож...;*
- *Девушка, вероятно, хотела сказать.*

Категория эвиденциальности

- *...совсем как тот волк, о котором украинское присловье говорит: «Про вовка промовка, а він вже тут»;*

- *Так, один из русских азбуковников рисует его следующим образом: «Василискъ змей. Родится в части Африке, образом аки петух. Кожа мыша. Хвост змеин»;*
- *Прах его, насколько мне известно, был захоронен на Серафимовском кладбище...;*
- *Я, как и Е.А. Земская и М.С. Гринберг, полагаю, что первой причиной является контаминация этого выражения...;*
- *Русский язык, как известно, принадлежит (наряду с большинством индоевропейских языков) к числу языков...*

Модус воспоминания

- *Вспомним две строчки из Николая Гумилева ...;*
- *Вспомним героев «Бега» М. А. Булгакова;*
- *Наоборот, как мы помним, связаны с ними трагические мотивы гибели слушающих их чарующие песни...;*
- *Я точно помню дату, когда чаша моего филологического терпения переполнилась...;*
- *Чтобы ответить на этот вопрос, следует вспомнить, что толковые словари современного русского языка...*